
ЭСТЕТИКА ГЕГЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ РАБОТ Я. И. ХАЧИКЯНА

ВАРТАНОВА Ж. А.

Работы “Некоторые аспекты эстетики Гегеля” и “Гегель о соотношении видов искусства” Я. И. Хачикяна, доктора философских наук, профессора эстетики, заслуженного деятеля науки РА, академика Российской Академии педагогических и социальных наук, участника международного гегелевского конгресса, награжденного юбилейной медалью Гегеля, представляют собой значительный вклад в развитие эстетической мысли Армении.

Г. В. Ф. Гегель – выдающийся мыслитель, определивший целую эпоху в развитии культуры и сделавший максимум возможного для понимания этой эпохи в истории человечества. Меняются времена и взгляды, но объективная истина о природе и назначении искусства, раскрытая в философской концепции Гегеля, вновь и вновь привлекает деятелей последующих эпох. И позитивная разработка эстетического наследия Гегеля – насущная задача наших ученых, которые, не будучи его историческими современниками, являются его философскими современниками. Я. Хачикян, плодотворно работавший и творчески активный, своими исследованиями способствовал тому, чтобы эстетика Гегеля стала необходимостью: классические эстетические системы прошлого подобно великим произведениям искусства сохраняют на протяжении веков неувядаемую силу своего воздействия. Тончайшие суждения и характеристики, которые встречаются у Гегеля в связи с конкретными явлениями искусства, говорят о том, что живое художественное чувство было доступно ему, одному из величайших умов человечества, не менее, чем высота мысли.

Краеугольным камнем эстетики Гегеля является понятие истины; истины, которая важна как направление, как способ проявления и изображения красоты. Красота же, в свою очередь, есть истина. По Гегелю, в основе прекрасного лежит истина, а не

субъективное мастерство или произвол художника, не объективный замысел. Для Гегеля идея художника – вовсе не субъективный замысел его, а определенная реальность, не то, что художник хочет сказать, а то, что субъективно сказалось в его произведении. Отсюда задача искусства – показать существующую истину во всей ее целостности. Гегель прав – истина реального мира шире формальной правильности, соответствия нашего субъективного представления нашему предмету. Искусство, пишет философ, “способ познания и выражения божественного, глубочайших человеческих интересов, всеобъемлющих истин духа”, а произведение искусства – это “дух, проявляющийся в чувственном”. И не случайно важнейший вопрос о предмете искусства, как справедливо находит Я. И. Хачикян, может быть решен лишь в рамках тех учений, которые рассматривают искусство в качестве формы познания действительности. Предмет искусства – не только человек, а вся действительность, взятая под углом зрения идейно-эстетического отношения к ней человека. В свою очередь умение соотносить произведение искусства с жизнью является непременным условием подлинного понимания специфики искусства – художественного образа.

Сливаясь в едином художественном образе, музыка и поэзия, по Гегелю, дополняют друг друга: поэзия привносит конкретные представления и понятийный смысл, то есть идею, музыка – “мечтательную стихию чувства”. При этом в основе идеи лежит истина, а не субъективное мастерство или произвол художника: Белинский, например, стремился внушить читателям, что только с точки зрения “идеи” можно вполне понять сочинения Гоголя и Грибоедова. Здесь истина есть соответствующее объекту знание, а истинность красоты определяется тем, что она является идеей; недаром в эстетике Гегеля как философии искусства следует исходить из идеи прекрасного.

Вместе с тем идея у Гегеля “как действительность, получившая соответствующую форму, есть идеал”. Рассматривая идею прекрасного в искусстве как идеал, великий философ

исследует и формы его развития. Именно исходя из вывода о том, что “красота есть идея”, Гегель, отводя истине столь же высокое место, что и прекрасному, дает, по мнению Я. Хачикяна, следующее определение основной категории эстетики: “прекрасное... чувственное явление, чувственная видимость идеи”. Однако “красота – это еще не истина”, так как для этого, по Гегелю, требуется еще самопостижение мысли; например, мысли о том, что значимо для человека в качестве права и нравственности. Причем подобное значимое как данность должно быть свидетельством духовности, а прекрасное – идеал – стало бы внутренним миром, истиной. Кстати, такие определения, как “красота есть идея”, “красота и истина суть одно и то же” не означают стирания граней между ними.

И совершенно в духе нашего времени звучит утверждение Гегеля о том, что свобода искусства – это свободное “осознающее самого себя” я. Следовательно, человек как духовное существо “удваивает себя... он созерцает себя, представляя себе себя, мыслит”. Я. Хачикян замечает, что, вероятно, отталкиваясь от этого постулата, Гегель приходит к выводу о потребности в искусстве, точнее, о “всеобщей потребности в искусстве”. Эта потребность возникает “из разумного стремления человека, – пишет немецкий мыслитель, – духовно осознать внутренний и внешний мир, в котором он узнает собственное “я”. И искусство порождает потребность всякого действия и знания: в художественном произведении человеческие интересы, духовная ценность некоего события, поступок, индивидуальный характер и т. д. проявляются прозрачнее, чем это имеет место в реальной жизни. И Бог, по Гегелю, “действует в человеке и через человека”, порождая дух (духовность) его сознания. Прогресс же духа, находит философ, заключен в осознании свободы.

Лишь в искусстве, сущность которого идеал, “достойное истины существование”, может быть удовлетворена потребность духа в свободе (понятие эстетики и сегодня). Вследствие воплощения себя как духовного и свободного индивида “в своем ином”, то есть в творчестве, возникает та естественная жизнен-

ность, которая, по Гегелю, прекрасна. Однако, находит Я. И. Хачикян, великий философ почему-то обходит вниманием то обстоятельство, что феномены, принадлежащие и к миру природы и к миру искусства, могут быть как прекрасными, так и непрекрасными. Здесь следует упомянуть то положение исследователя, что лишь тогда, когда субъективный мир представлен в его связи с миром объективным, но не в протivoестественном отрыве от него, может быть достигнута возможность самовыражения.

Подчеркивая, что чувственность и образность есть то, вне чего нет искусства, “содержанием которого является идея, а его формой – чувственное, образное воплощение”, Гегель пишет: “Именно искусство доводит до сознания истину в виде чувственного образа, ...который имеет высший, более глубокий смысл и значение”. Данное суждение, на взгляд Я. И. Хачикяна, непосредственно связано с проблемой классификации искусств или, как говорил Гегель, деления искусств: – основой классификации является степень воплощения духовного содержания как главного признака искусства. Отталкиваясь от этого признака, в эстетической системе у Гегеля лежит путь от архитектуры через скульптуру, живопись и музыку к поэзии – высшему проявлению духовности или высшей духовности. Отсюда – суть поэзии как вида искусства – ее ярко выраженная перенасыщенность духовностью. Как позже заметит Ф. Ницше: “Без стиха человек был ничто, а со стихом он стал почти богом”.

“Искусство речи, поэзия вообще”, пишет Гегель, это “абсолютное искусство духа и его проявления как духа”. Не случайно данное проявление духа как внутренней воли является определяющим фактором в драме, составляя основу для всего происходящего; драма, по Гегелю, подлинное действие, “изображение внутренней страсти”. Эпос же “призван описывать не действие, а событие”, считает Гегель, аргументируя данное положение.

В музыке, утверждает Гегель, отмечая “рождение звука” как загадку и чувственность звучания бытия, “существенной целью является форма звучания именно как звучания”. Материал музыки – это “конфликты и борьба страстей”, это сама человеческая душа,

дающая “возможность сердцу полностью обнаружиться в звуках, прозвучать и отзвучать во всей шкале своих чувств и страстей”. Замечательна мысль Гегеля о стихии внутреннего мира музыки, “стихии, где простой крик превращается в последовательность звуков, в движение, развитие которого сдерживается гармонией и замыкается мелодией”. Посвящая анализу музыкального произведения специальный параграф, Я. Хачикян отмечает открытые Гегелем в музыке два чуда: чудо замысла и чудо виртуозной гениальности исполнения. Подводя итог размышлениям Гегеля о соотношении поэзии и музыки, автор исследования верно замечает, что поэт и композитор, а значит поэзия и музыка не должны наносить ущерба друг другу: в своем высоком проявлении может и должен быть синтез прекрасного олицетворения.

Отдавая должное каждому виду искусства в своей эстетической системе, Гегель помещает скульптуру вместе с музыкой и живописью “в прекрасную середину” между архитектурой, лишь намекающей на внутреннюю духовную жизнь, и поэзией, идеальным воплощением духовности. Зрителя убеждает, пишет Гегель, анализируя произведения живописи и скульптуры, соответствие в них замысла осуществлению. Так происходит “восприятие зрением” в живописи всего своеобразия субъективной задушевности, а в скульптуре—духовности, существующей в “инобытии своем, в телесном”.

А живопись, обнаруживая свое происхождение, по мысли Гегеля, из архитектуры и скульптуры, заменяет пространственную реальность “принципом цвета” как единства света и тьмы и т. д.

Таково вкратце наше отношение к исследованиям Я. И. Хачикяна, представляющим, на наш взгляд, определенный вклад в философию искусства Гегеля, в ее лучшее понимание: цельность концептуального анализа, глубинное проникновение в мощь и дух эстетики Гегеля, которая дышит правдой, характеризуют рассматриваемые работы, рассчитанные как на специалистов, так и на читателей, интересующихся вопросами теории и истории эстетики. Ведь мы вечно будем стремиться все глубже познавать себя в мире: именно в этом и заключается природа нашего посто-

янного тяготения к искусству, к наслаждению им и к его созиданию.

**ՀԵԳԵԼԻ ԳԵՂԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ՅԱ. ԽԱՉԻԿՅԱՆԻ
ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ**

ՎԱՐՏԱՆՈՎԱ Ժ. Ա.

Ամփոփում

Յա. Խաչիկյանի հետազոտությունները նպաստել են այն բանին, որ Հեգելի գեղագիտական հայեցակարգը անհրաժեշտություն դառնա հետագա սերունդների համար: Անցյալի դասական գեղագիտական համակարգերը ժամանակի ընթացքում չեն կորցնում իրենց ազդեցության ուժը: Հեգելի գեղագիտական համակարգի հիմնաքարն է «ճշմարտության» հասկացությունը, որը կարևոր է իբրև ուղղություն, գեղեցիկի արտացոլման և պատկերման միջոց: Դրանով իսկ պայմանավորված է արվեստի գերագույն խնդիրը, այն է՝ ճշմարտության րտացոլումը որպես աշխարհաճանաչողության միջոց:

**AESTHETICS OF HEGEL IN THE CONTEXT OF THE
WORKS OF JA. KHACHIKYAN**

ZH. VARTANOVA

Abstract

Researches of Ya. Khachikyan have contributed to the fact that Hegel's aesthetic concept has become a necessity for future generations. Classic aesthetic systems of the past for centuries preserve its impact. The cornerstone of Hegel's aesthetic concept is the notion of truth, which is important as a trend and a way to reflect the beauty and image.

This is what caused the most important task of the art - the reflection of the truth as a way of understanding the world.